

Любовь и тайна

Цикл романов
«Советский колдун»

Любовь колдуна

Наследство колдуна

В моих глазах – твоя гибель!

Чёрная карта судьбы

Елена
Арсеньева

Ведьмин
коготь

Москва
2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А85

Художественное оформление *Елены Анисиной*

Иллюстрация на переплете *Елены Черновой*

Арсеньева, Елена Арсеньевна.

А85 Ведьмин коготь / Елена Арсеньева. — Москва :
Эксмо, 2019. — 352 с.

ISBN 978-5-04-100470-5

Женя Всеславская, правнучка знаменитого советского колдун на Грозы, работает массажистом и лишь смутно догадывается о своих необычных способностях. Так и текла бы жизнь в тишине и покое, но ее бывший муж становится жертвой подлого обмана, и Женя бросается помогать ему – потому что вдруг ясно понимает: это не просто мошенничество, а колдовство. Сын коварной и безжалостной ведьмы творит в глухой мордовской деревушке страшные дела! Он похищает Женю, чтобы зачать с нею сына, который станет подлинным наследником силы двух могущественных враждевавших родов.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Арсеньева Е., текст, 2019
© Чернова Е., иллюстрация на переплете, 2019
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-100470-5

Чудь начудила да мера намерила
Гатей, дорог да столбов верстовых...

А. Блок

Страсти крут обрыв!

В. Маяковский

ПРОЛОГ

...Ж

еня даже шагов сзади не расслышала. Прошелестело что-то: так осенние листья, оторвавшись от веток, шуршат по асфальту под внезапным порывом ветра, — а потом ее сильно дернуло за плечо. Но это была не ветка, которая попыталась удержать покинувшую ее листву: это была чья-то рука.

Женю резко развернуло — и она невольно вскрикнула, увидев перед собой не лицо напавшего, а черный капюшон. В двух узких прорезях мерцали глаза. Черный плащ, скрывавший фигуру, черные перчатки, обтянувшие руки, одна из которых вцепилась в ее плечо, а вторая сжимала мощный тесак, какие ей приходилось видеть только на рынке в мясном отделе — в руках рубщиков мяса.

Женя, онемев, рванулась было, однако сзади еще кто-то стиснул ее, да так, что не шевельнуться.

— Что вы... что... — прохрипела она, чувствуя, как подгибаются ноги, однако тот, кто схватил ее сзади, не дал упасть и насмешливо пробормотал, дыша в ухо:

Елена Арсеньева

— Хочешь спросить, чего нам надо? Да ничего особенного. Ручки тебе шаловливые малость укоротим — и пойдешь восвояси.

— Что? — выдохнула она чуть слышно, потому что голос от ужаса съезжился. — За что?!

— А больно резво ты ими шевелишь где надо и где не надо, — сообщил тот, кто ее держал. — Змеюшек разных ловишь...

— Каких змеюшек? — еле выговорила она, и в то же время уловила мрачный промельк в прорезях капюшона, словно слова подельника вызвали недовольство человека с тесаком.

«Неужели?!» — словно бы вскричал кто-то в ее голове — вскричал тонким, испуганным голосом, и Женю осенило догадкой, с чем могло быть связано это нападение и кто именно на нее напал, но сейчас радоваться своей догадливости было некогда, да и никакой радости в этом вообще не было — был только ужас.

Сзади ее подтолкнули к неподалеку стоявшей скамейке так сильно, что Женя упала на колени и какое-то мгновение тупо смотрела на облупленную краску, не то зеленую, не то синюю, в полутьме было не разобрать. Между дощечками застрял прутик, и Женю вдруг словно ударило жутчайшим воспоминанием об одной сцене из американского фильма «Тимон Афинский» по трагедии Шекспира... Фильм Женя смотрела давно, он выветрился из памяти, но эта сцена сейчас так и вспыхнула перед глазами: дочь Тимона изнасиловали и отрезали ей язык, чтобы она не могла назвать имена злодеев, а чтобы не могла их написать, ей по локоть отрубили руки, и в кровоточащие обрубки воткнули веточки... И Женя словно увидела, как этот прутик — вот

Ведьмин коготь

этот, который сейчас трепещет перед ней! — втыкают в кровотокающий обрубок ее руки!

К горлу подкатила тошнота, она почувствовала, что сейчас потеряет сознание, но тогда уж точно станет легкой добычей для этих двух сумасшедших... О нет, они не были сумасшедшими, они хотели отомстить, отомстить ей за то, что она обнаружила эту проклятую змейку!

Каким-то совершенно невероятным усилием Женя удержала себя от обморока, и в голове немного прояснилось.

«Мама! — мысленно крикнула она. — Дед! Помогите!»

Всё существо ее словно рванулось в неизъяснимую даль и высь, пытаясь пробиться к этим двоим, которые всегда, даже в самые тяжелые моменты ее жизни, прикрывали ее и помогали ей, ободряли и спасали, однако зов ее, крик ее существа, всплеск ее страха, лишь исторгнувшись, сразу наткнулся на какую-то незримую преграду — и рассеялся в ночи.

Казалось, человек в черном капюшоне окружил ее непроницаемой стеной своей ненависти, через которую не могла пробиться любовь.

— Руки! — послышалось сдавленное рычание из-под капюшона, и Женя с новым припадком ужаса ощутила, что в этом голосе нет ничего человеческого. Это было звериное рычание, в самом деле! — Держи ее руки, карь!

Женя вырывалась что было сил, сползая со скамейки, и схватившему ее человеку невозможно было удерживать Женю и заставлять вытянуть руки, потому что этими руками она, извернувшись, что было сил была, щипала своего палача, хрипя от ненависти к нему сквозь стиснутые зубы.

Елена Арсеньева

А тот, в капюшоне, по-прежнему стоял неподвижно, и только свет фонаря, заслоняемого и вновь открываемого мятущейся под ветром вершиной дерева, проблескивал на зловещем лезвии и в щелках-прорезях.

Вдруг он хрипло гаркнул:

— Погоди-ка! На землю ее! Положи! Да держи крепче!

И шагнул к Жене, распахивая свое черное одеяние.

Его сообщник с такой силой швырнул Женю на землю, что у нее перехватило дыхание, и какое-то мгновение она могла только наблюдать, как человек, распахнув плащ, нависает над ней, и чувствуя, как он с силой пинает ее по щиколоткам, чтобы она развела ноги.

Он задумал... он хочет изнасиловать ее?! Неужели он понял, что Женя догадалась, кто напал на нее, хотя ни разу не видела его раньше? И задумал сделать свою месть еще более страшной?

Изнасиловав, он убьет ее, а потом, уже мертвой, отрубит руки?..

Нет!

«Да что же я молчу?!» — вдруг дошло до Жени, и она вскрикнула, взвыла, взвизгнула, но тотчас ее схватили за горло и стиснули так, что она забилась в новом припадке ужаса, задыхаясь и чувствуя, что сознание снова меркнет.

Внезапно что-то обожгло грудь, словно к ней прижали раскаленное клеймо, и эта боль заставила очнуться, вернула способность думать и действовать. Женя сообразила, что отрывать душащие ее руки от горла бессмысленно, и резко согнула колени, а потом с силой выпрямила ногу и нанесла удар по склонявшемуся над ней человеку. Она не промахнулась

Ведьмин коготь

и более того — судя по мучительному воплю, угодила именно туда, куда метила.

Насильник отпрянул, его помощник замер испуганно, а Женя рванулась с неожиданной для себя самой силой, закричала еще громче, еще отчаянней... И сердце, ее безумно колотящееся сердце, казалось, пропустило один удар, когда она вдруг услышала громкий топот. Кто-то бежал по дорожке сквера!

— Помогите! — завопила Женя, однако тотчас онемела от боли, получив сильный удар под ребро.

А человек в капюшоне выпрямился и занес секач, рыкнув грозно:

— Скорей! Подними ее! На скамейку!

Его сообщник подхватил Женю и швырнул на жесткие доски. Секач взлетел в черных руках... В то же мгновение человек в капюшоне как бы сломался, завалился назад, секач тяжело рухнул наземь; плавно осел плащ. Мимо, громко топя, пролетела какая-то серая тень.

«Тень не может топтать», — вяло подумала Женя, чувствуя, что руки, которые только что зверски стискивали ее, вдруг разжались... Она со странным чувством облегчения поникла на скамейку и прижалась щекой к дощечкам. Она знала, что сейчас потеряет сознание, и была счастлива, что весь ужас так или иначе закончится.

Москва – Сырьжакенже, прошлое

Кассирша уставилась подозрительно: не дороговат ли билет в СВ для невзрачной девицы самого затрапезного вида, с двумя тощими косичками, обвитыми вокруг прилизанной белобрысой головенки? Вот для только что отошедшего бритоголового парня эти деньги были бы как раз по карману, а эта чего пыжится?! Теперь в СВ ездят только новые русские!

Раиса и сама знала, что на новую русскую она не тянет, ну никак не тянет, поэтому пояснила виновато, кивнув на Ромку, который прикорнул на чемодане у стеночки:

– Хозяйка велела ребенка к бабушке в Ленинград отвезти.

– Говорят, его вот-вот в Санкт-Петербург переименуют, – кивнула кассирша, смягчившись, и подала Раисе билет: – Не прозевайте отправление, через сорок минут вам ехать, а поезд за полчаса подадут.

– Спасибо, да, конечно, – покивала Раиса, спрятала билет в сумку, повесила ее на плечо и, подхва-

Ведьмин коготь

тив Ромку одной рукой, а другой — чемодан, пошла вниз по боковой лесенке — как бы в туалет.

Теперь, если за ней даже следили и слышали, куда она взяла билет, ее будут караулить у вагона: в женский туалет вряд ли потащатся. А может быть, никто и не следил... Но хозяйка знала, что делала, когда давала Раисе подробнейшие инструкции: как поступать, если что-то случится. Она чувствовала, она чувствовала, что беда рано или поздно придет, и Раису к этому дню готовила, однако беда не пришла, а нагрянула: случилось то, чего ждала хозяйка, все равно внезапно!

— Ох и доиграюсь я когда-нибудь! — смеялась она, бывало, садясь после очередного выступления в такси и целуя Ромку в черноволосую голову. Раиса помнила, как косились на нее водители — хозяйка никогда не спускалась в метро! — косились недоумевающе или со страхом. Побаивались, сами не зная чего, те, которые поумней, которые нутром чуяли нечто недоброе, исходящее от этой красивой изящной женщины со светлыми роскошными волосами и темными глазами. Откуда им было знать, что, придя домой, хозяйка снимет белокурый парик и темные контактные линзы и превратится совсем в другую женщину? Впрочем, даже если бы они заподозрили маскарад, какая для них-то была в хозяйке опасность? Вот если бы кто замыслил недоброе, она от него мокрого места не оставила бы! Но все обходилось, и Раиса поверила, что будет обходиться и впредь, что так и пойдет дальше жизнь: спокойно, удобно, размеренно, — однако хозяйка всегда была настороже, всегда ждала от судьбы какой-то пакости... ну вот и дождалась пули!

В ту минуту, оторопело уставившись на валявшееся на сцене черное платье, комок растрепанных бе-

Елена Арсеньева

локурых волос и лакированные туфли — это было все, что осталось от хозяйки, а саму ее словно адским ветром унесло (ну а каким же еще?!), — Раиса краем глаза успела заметить седого человека, который стоял, вскинув руку. Человек держал пистолет, однако этого, казалось, никто не видел: зал словно оцепенел! Но Раиса не могла понять, были люди просто ошарашены случившимся или их кто-то *оцепенил*, подобно тому, как это умела делать хозяйка.

Впрочем, Раисе некогда было доискиваться до сути дела — она была слишком занята тем, чтобы удержать орущего и рвущегося из ее рук Ромку, но узкоглазое, скуластое, изможденное лицо стрелявшего и убившего хозяйку до сих пор стояло перед глазами! Она неотступно думала об этом человеке, пока добиралась до дому на такси, хватала заранее приготовленный чемодан с Ромкиными вещами и своим немудреным барахлишком, вытаскивала из холодильника какие-то продукты, которые могли понадобиться в дороге, доставала из тайника деньги — много там было денег! — запирала квартиру на ключ и подсовывала его под коврик, лежавший перед дверью, словно погибшая хозяйка все же могла вернуться сюда или сама Раиса вдруг вернется... К примеру, билетов не будет и придется уезжать завтра! Но при этом она не сомневалась, что больше никогда не переступит этого порога, что московская жизнь ее окончилась, а билеты — билеты, конечно, найдутся!

Хозяйки больше нет на свете, но силу ее покровительства Раиса по-прежнему ощущала...

Билеты и в самом деле нашлись. Немножко жалко было впустую потраченных деньжищ (Раиса еще не забыла, в какой жалкой бедности жила она, пока не попала в руки хозяйки!), но по сравнению с тем,

Ведьмин коготь

что у нее осталось, это были копейки, а след обязательно нужно было замести.

В туалете Раиса переоделась в одно из платьев хозяйки (совсем простенькое, но рядом с тем, которое Раиса с себя сняла, выглядевшее роскошно), повязала волосы нарядным шарфиком, потом вместо своих удобных бареточек надела туфли на каблучках да еще и с бантиками — и поднялась в зал ожидания в ту минуту, когда вся толпа пассажиров валом повалила на платформы: подали на посадку ленинградский скорый, а одновременно с ним уходило несколько электричек, поэтому Раиса не сомневалась, что в этой толчее их с Ромкой невозможно будет разглядеть.

Хозяйка все рассчитала правильно!

По стеночке, по стеночке добралась Раиса до больших вокзальных дверей, метнулась в подземный переход и понеслась со всех ног под площадью на Казанский вокзал. Через четверть часа уходил поезд на Саранск, вот на него-то Раисе и надо было попасть — попасть обязательно!

Она влетела в вагон — тоже СВ, тоже безумные деньги, но эти хоть не псу под хвост были выброшены! — за пять минут до отхода поезда и сунула проводнице билеты до Арзамаса. Конечно, той случилось видеть в своем вагоне публику и почище, и побогаче, но ей Раиса скормила ту же байку про бабушку, которой она должна была отвезти внучонка, — и проводница взглянула приветливей, посулила принести чайку сразу, как только соберет билеты, сообщила, что туалеты в СВ открываются сразу, а не как в других вагонах: только когда минуют санитарную зону, — и показала Раисе ее купе.

Места были 13 и 14, чему Раиса совершенно не удивилась. Ну на каком еще месте они с Ромкой мог-

Елена Арсеньева

ли спастись от неминуемой смерти? Только дьяво-
лово число могло их оградить!

Постели оказались уже приготовлены. Раиса с облегчением уложила Ромку, решив не будить его даже в туалет и тем более — чай пить. Пусть выспится. В Арзамас они приедут ни свет ни заря, потом еще невесть как добираться до Сырьжакенже. Хорошо, если бы в том направлении ходил автобус! С попутками Раиса боялась связываться: вдруг шофер поймет, что у нее есть деньги? Тут уж всякое может случиться! Времена нынче, в девяностые-то годы, пошли дикие, беззаконные, и если лихие люди не стесняются тормозить на трассах груженные фуры и грабить товар подчистую и даже расстреливать пассажиров иномарок, а машины угонять в неизвестном направлении, то какой-нибудь шоферюга вполне может решить поживиться имуществом беззащитной пассажирки, у которой нет никакой защиты, кроме перепуганного мальчика.

То, что этот малец как раз и мог послужить, в случае чего, немалой защитой, было, конечно, никому, кроме Раисы, неведомо, однако она совсем не хотела, чтобы ее прибытие в Сырьжакенже сопровождалось всякими ужасами. Рано или поздно слух о Ромке все равно пойдет — но пока еще рано, в самом деле рано!

Ей опять повезло. Автобус на Дивеево, которым можно было добраться почти до Сырьжакенже («На развилке они сворачивать будут, а ты сойдешь, троечку километров просёлкой прошагаешь — и на месте», — пояснила вокзальная кассирша), отправлялся через час после прибытия поезда, и Раиса успела и Ромку накормить, и сама поест, а потом, опять же в туалете, облачилась в свое вчерашнее брахлишко, понимая, что там, куда она едет, неза-

Ведьмин коготь

чем щеголять городским нарядом. Она чувствовала, что вряд ли еще хоть раз наденет эти вещи там, в Сырьжакенже, а может, и вообще никогда больше не наденет, но не жалела об этом. С тех пор как она встретилась с хозяйкой, жизнь стала на диво незамысловатой: слушайся приказов, смотри вперед — и не оглядывайся. Одно всерьез заботило Раису: что, если бабка Абрамец давно умерла? Куда им с Ромкой тогда податься? Надежда была, что хозяйка и тут не ошибется...

Так и вышло. Старуха оказалась жива.

Деревня Сырьжакенже была хоть и невелика: не более полусотни дворов, — зато дома, стоявшие по обе стороны единственной улицы и уходящие огородами которые к реке, которые к лесу, смотрелись на зависть крепко, осанисто и даже богато. Однако, когда Раиса вошла в Сырьжакенже (от развилки и впрямь вела удобная проселочная дорога, по которой отдохнувший Ромка охотно топал сам, изредка принимаясь верещать при виде цветка, гриба или птицы, с испуганным криком шарахнувшейся в чащобу) и спросила про бабку Абрамец, ей указали на самый что ни на есть неказистый домик, укрывшийся в лесочке, подступившем к деревне.

Раиса осторожно протиснулась в косо висевшую на одной петле, а потому незапертую калитку и засемила тропкой, ведущей к крыльцу. Позади крался Ромка, громко сопя: он всегда сопел, когда ему было страсть как любопытно!

Раиса обратила внимание, что все грядки заросли сорняками: морковную или свекольную ботву можно было разглядеть с превеликим трудом. Неужто бабка Амбрамец настолько стара, что уже ни-